

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ПЕРЕКОП
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.В. БРАГИНА-БОБРИНСКОГО О ЕГО ОТЦЕ)

«Отец игумен»

Нашу квартиру отец называл «Гусарский монастырь». Мои друзья обожали Валериана Флегонтовича и называли его «Отец игумен». Он написал про нас: «Под закуску огурцы выпивали подлецы». В нашем туалете, если поднять крышку унитаза, можно было полюбоваться на портрет Хрущева. Если бы мы жили в СССР, то трудились бы в ГУЛАГе. Наша свобода имела свою цену. Как многие офицеры, включая несколько генералов, отец работал уборщиком. Если его спрашивали, чем он занимается, он отвечал: «У меня генеральская должность. Я заведую половыми делами». Моя мама сначала тоже работала уборщицей в гостинице, а потом они с подругой открыли магазин дамской одежды.

Орден Святого Георгия

В августе 1960 года, во времена Хрущева, трехцветный русский флаг весело развевался на берегу Бакс Лэйк. Несмотря на то, что я еще не полностью оправился от тяжелого ранения, не захотел пропустить празднование 50-й годовщины Организации русских скаутов.

В глубине соснового лесного массива Сьерра Невады несколько сот молодых людей, представлявших русских, живущих в Калифорнии, Нью-Йорке, а также Франции, встали лагерем и временно воссоздали островок России под ее настоящим флагом. Этот флаг был для нас в эмиграции символом свободы и надежды на то, что коммунистическая диктатура падет.

Лагерь был расположен в уединенном месте, но в субботу приехало немалое количество гостей. Я не участвовал в играх и спортивных состязаниях, но с удовольствием наблюдал за ними. Почти все участники, младшие и постарше, были рождены за границей, как и некоторые из их родителей, приехавших по приглашению своих детей. Вечером вокруг большого костра все пели песни, и скауты разыгрывали комические сценки.

После отбоя в лесу стало тихо. Я лежал на песке возле озера, засыпая под легкий плеск волн и глядя на звезды, которые через несколько часов взойдут над Россией.

На следующий день, когда приглашенный священник отслужил литургию на алтаре, сооруженном под соснами, я отошел в сторонку, чтобы спокойно закурить. Сидя на бревне, смотрел на тихое озеро и заметил идущего в мою сторону незнакомца.

— Ваша фамилия Брагин? — спросил он.

Прежде чем ответить, я его внимательно рассмотрел. Это был небольшого роста широкоплечий пожилой человек, изуродованный шрамом под левым глазом до углубления на щеке без кости. Выражение его лица было дружелюбным и даже симпатичным. Я встал и сказал:

— Да, я Брагин.

— Вы знаете, во время Гражданской войны я был знаком с капитаном Брагиным. Служил он в Марковском полку. Вы случайно не родственники?

— Это мой отец.

— Я уже много лет его разыскиваю. У меня есть для него одно поручение.

Мне вспомнилось, что, когда мне было лет семь и мы с младшим братом качались в парке на качелях, к забору подошел мужчина.

— Иди сюда, — позвал он меня.

Что-то в его облике вызвало во мне недоверие и страх, и я, подхватив братишку за руку, побежал домой. Потом родители мне объяснили, что не все русские хорошие люди.

— Что за поручение? — спросил я у незнакомца.

— От генерала Врангеля. Приказ на повышение в чине и награду — Орден Святого Георгия.

Для меня это было очень важным событием, встречей с живой историей.

— Будьте добры, дайте мне ваш адрес и телефонный номер, я отцу передам.

Закончив формальности, мы разговорились, и мне стало ясно, что этот господин близко знал моего отца.

С отцом мы жили в удобной квартире на третьем этаже.

Я поставил машину напротив дома. Внутри квартиры было темно. Я вытащил револьвер из-под сидения и осторожно осмотрел улицу. Всё было спокойно. Сунув «Смит & Вессон» за пояс, взял рюкзак с заднего сидения и поднялся в квартиру.

Отец рано уходил на работу и сейчас уже спал. Я бесшумно вошел в кухню и приготовил себе чай, не зная, какой будет папашина реакция о его повышении в звании и ордене. У него уже случился один сердечный приступ. Завтра у нас будет время для спокойного разговора и воспоминаний.

Наступление красных

Батарея стояла на закрытой позиции за холмом. На вершине поручик Брагин лежал в траве с телефоном и наблюдал, как развивается наступление красных.

— Сколько их там? — прозвучал в трубке голос командира.

— Примерно, пять тысяч.

— Доложи, когда они будут в тысяче шагов от нашей пехоты!

— Так точно, господин майор.

Шеренги красных с винтовками наизготовку наступали широким фронтом и в полном порядке. Видно было, что Красная Армия становилась все более организованной.

— Тысяча метров! — объявил Брагин.

Ударил залп из всех орудий батареи. Четыре фонтана чернозема взметнулись в первом ряду красных, но неприятель продолжал наступать, не теряя боевого порядка.

— Прямое попадание!

Скрываемая за дымом взрывов, красная пехота продвигалась вперед. Пехотный батальон встретил красноармейцев винтовочными выстрелами. Стало невозможно вести артиллерийский огонь по передним рядам неприятеля. Белая пехота не выдержала натиска противника и побежала через позицию Брагина. Он увидел, что прислуга тянет орудия на вершину холма. Первое орудие поравнялось с позицией Брагина.

Вблизи послышались крики «Ура!» Пули звенели, ударяясь о щит орудия. Командир высунул голову из-за щита и упал с окровавленным лицом.

— Несите все снаряды!

Брагин прицеливается через ствол, заряжает снаряд и дергает шнур. Меняет наводку и снова стреляет. Остальные три орудия следуют его примеру.

Смертоносный пушечный огонь прямой наводкой остановил красных. Их шеренги смешались и наступление захлебнулось.

Брагин огляделся. Снарядов больше нет!

С правого фланга с шашками наголо на неприятеля накатывалась кавалерия. Красные побежали.

Сиваш замерз

Ночью на степь неожиданно опустился сильный мороз. Казалось, что небо скоро треснет от холода. Завернувшись в рваную шинель и положив голову на седло, как на подушку, Брагин старался уснуть. Несмотря на усталость, сон не приходил. Успокаивало только мягкое фырканье лошадей.

Стук приближающегося лошадиного галопа заставил сердце сильно биться. Брагин повернулся и облокотился на локоть.

Всадник остановился, соскочил с лошади и о чем-то спросил часового. Раздались голоса. Брагин поднялся. По замершим и затекшим ногам побежали мурашки. Он чуть не упал и ухватился за пояс с маузером в кобуре. Все вокруг тоже начали вставать. Уже не стесняясь кого-либо разбудить, Брагин топал ногами, чтобы восстановить кровоток и согреться.

— Тревога! — раздался как взрыв голос командира.

— По коням! Офицеры ко мне!

Брагин крикнул взводному старшине:

— Запрягай тачанки! — и помчался к батальонному командиру.

— Господа! Сиваш замерз. Красные идут по льду. Двигайтесь сформированным маршем и занимайте приготовленные позиции. Все свободны.

Когда Брагин вернулся в часть, лошадь уже была оседлана, а тачанки запряжены и выстроены.

Чувствуя волнение хозяина, лошадь Брагина гарцевала на месте. Нужно было пропустить два эскадрона, чтобы занять свое место в колонне.

— Рысью вперед, марш!

Серая кобыла, понимающая команды как хороший солдат, тронулась вперед. Тачанки закрипели, и взвод занял свое место.

Через пять минут лошади разогрелись, и колонна пошла в галоп.

Брагин предполагал, что красные дойдут до первой линии окопов не раньше рассвета, и на открытом льду легко будут рассеяны пулеметным огнем. Он понимал, почему они решились на рискованный маневр — обход укреплений в районе Перекопа. Он был уверен, что Добровольческая армия одержит победу. Как Тевтонские рыцари, красные погибнут на льду, и Россия будет спасена.

Пулеметные очереди вырвали Брагина из полудремы. Сигнал трубача дал понять, что надо развернуться направо.

— Тачанки вперед! Остановить атаку!

В пятистах метрах красные уже засели в окопах, будто специально для них выкопанных. Брагин решил приблизиться к неприятелю, чтобы огонь был более эффективным. Скорость разворота играла решающую роль в успехе маневра.

— Вперед карьером, марш! — Брагин сжал шпоры. Верная серая кобыла рванулась вперед. За ним ровным строем летели тачанки. Брагин вытащил маузер из деревянной кобуры. Красные открыли огонь.

— Взвод, развернись!

Получив сильный удар по руке ниже локтя, Брагин невольно разжал пальцы, и пистолет выпал из руки. Лошадь упала на колени и перевернулась. Брагин упал на замерзшую землю. Рукав окровавлен. Лошадь лежит на спине и дрыгает ногами. Пули жужжат как пчелы. Брагин поднялся. Тачанки перевернуты. Одно колесо еще вращается. Лошади без всадников дико крутятся по полю. Левой рукой Брагин взял пистолет и прекратил страдание кобылы. Удар по ноге, и сильная боль свалила поручика. Очень хочется спать, но нельзя. Нужно выполнить приказ и опрокинуть красных. Вперед! Брагин поднялся и снова упал. Снова поднялся:

— Вперед!

Увидел, что к нему скачет казак. Не останавливаясь, казак схватил Брагина за пояс и одним рывком перекинул через седло. Темнота окутала весь мир, и больше ничего не болело.

Пуля прошла навывлет

Жарко. Волк грызет руку. «Почему ты меня убил?» — спрашивает пристреленная кобыла. Раздается женский голос: «Успокойтесь!» Тело трясется от боли. Нужно встать, но кто-то удерживает, и не хватает сил подняться. Голова падает на подушку. Брагин открывает глаза.

— Так, хорошо. Лежите спокойно.

Сестра милосердия вытирает ему лицо мокрым полотенцем. Резкая, как электрический удар, боль чуть не лишает сознания.

— Бросьте меня мучить!

— Тихо. Скоро закончу. Надо выдавить весь гной.

Брагин взглянул на свою руку. Это не рука, а безобразно толстый кусок гниющего мяса фиолетового цвета.

— Вам повезло. Пуля прошла навывлет.

Сестра держит стакан воды, поднимает голову раненого.

— Пейте! Это поможет снизить жар.

— А как моя нога?

— Она болит?

— Немного.

— Тогда не беспокойтесь. У Вас еще и тиф.

Изредка выныривая из беспокойного сна, Брагин начал осматриваться. Палата полевого госпиталя. Темно. Как на Кавказе, голос муэдзина зовет правоверных на молитву.

Странно. Это было давно. Каждое утро бронепоезд красных выходил из Майкопа и обстреливал добровольцев.

— Господа! Обратите внимание! — Командир направил бинокль в сторону железной дороги.

— Видите тополя и кусты направо? Поезд остановится точно там.

Лежа на брюхе, Брагин внимательно следил за легким бронепоездом. Перед паровозом были прицеплены две платформы. Первая нагружена мешками с песком. На второй — два пулемета «Максим». За тендером на открытых платформах расположены семидесятимиллиметровые полевые орудия, которые могли стрелять в любую сторону.

Поезд остановился и начал свою ежедневную рутину.

— Захватим бронепоезд — и город наш!

Командир улыбнулся:

— Дерзость — это мать побед!

— Мать побед? Нас всех убили?

— Да, всех!

От запаха трупов тошнит. Брагин пришел в себя. Вонь шла не от трупов, а от его воспаленной руки. К сестре присоединился врач.

— Где мы?

— В Галиополи, — ответил врач.

— Как это так?

Врач покачал головой.

— России больше нет.

Брагин подумал, что у него снова начинается бред.

— Молодой человек, Вы достаточно поправились. Сегодня будем резать Вашу руку.

- Никто не будет мою руку резать! — сказал Брагин.
- У Вас гангрена. Вас может спасти только ампутация.
- Спасти от чего? Где мои товарищи? Где армия?
- Успокойтесь.
- Не будете меня резать!
- Тогда убирайтесь вон! Нам тут хватит работы!

«Светит месяц, светит яркий»

Хромая, Брагин вышел из госпиталя. В каблуке его сапога застряла пуля. Пройдя несколько шагов, он сел отдохнуть на камень. С моря дул холодный ветер. Муэдзин звал на вечернюю молитву. Еще один русской солдат прибыл умереть в чужом краю. Длинный путь привел его сюда. Золотое время кадетского корпуса осталось в далеком прошлом. Восстание военного училища против большевиков – детская игра. Когда его вели на расстрел, это тоже казалось шуткой. Сейчас он встретится с суровым полковником, который от разбитого сердца умер в немецком плену, когда узнал, что его любимая армия развалилась. Да, встретится и расскажет, как он был солдатом и с честью защищал родину от грабителей. Как четыре человека захватили красный бронепоезд и увезли. Старик будет смеяться.

Кто-то нежно потряс за плечо:

— Вставайте, пойдем!

Брагин открыл глаза. Было уже темно. Сестра милосердия помогла ему встать.

— Не беспокойтесь обо мне.

— Мы пойдем недалеко.

В доме, где были расквартированы сестры милосердия, Брагину устроили постель. Когда он не спал, должен был держать руку в растворе серы. От сестер он узнал про эвакуацию, о продаже Франции за гроши могучего русского флота, чтобы прокормить армию.

Через три недели опухоль начала спадать, но пальцы не слушались. С каждым днем Брагин становился крепче. Однажды старшая сестра принесла ему балалайку.

— Так как Вы тоже музыкант, вот Вам для развлечения.

— Благодарю, но я не могу играть одной рукой.

— Берите! — Сестра сунула ему инструмент. — Наберитесь храбрости и сыграйте мне «Светит месяц».

— Вот так. Закройте пальцы!

Сестра дала Брагину неделю на то, чтобы его пальцы научились слушаться и вытягивать мелодию.